РАЗДЕЛ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

Одной из наиболее странных примет колхозной жизни было введение разных кампаний для решения множества проблем. В следующие года не проходило и дня, чтоб нас не призвали принять участие в той или иной кампании.

Например, с приближением каждой весны объявлялась посевная кампания. К ней обязаны были быть причастными все поголовно – мужчины и женщины, молодые и старые, здоровые и больные. А поскольку она тянулась до самого лета, то непосредственно после нее начиналась другая кампания – уборочная. Затем шла осенняя посевная кампания. Четвёртой была зимняя кампания, которая представляла собой, собственно, прелюдию к открытию очередной весенней посевной кампании.

Параллельно с этими основными кампаниями колхозникам ещё навязывали участие и в других кампаниях. Сюда входили кампания обложения налогами и самообложения налогами, кампания добровольной хлебосдачи государству и ещё много других. И то ли независимо одна от другой, то ли связанные как верёвочка проклятий, эти кампании лежали на нас назойливым бременем.

А в то же время, когда в течение долгих рабочих дней все эти кампании морочили колхозникам головы, одолевали нас ещё и другие, меньшие хлопоты, их ласково называли "проблемами" и "вопросами". Были среди них такие, как "проблема удобрений", "вопрос увеличения опоросов свиноматок", "проблема повышения удоев коров", "вопрос яйценосности курей" и так без конца. Конечно, ожидать какого-то увеличения сельскохозяйственной продукции от крика и шума на все эти темы было, по крайней мере, наивно; зато для нас каждая такая кампа-

ния со всеми связанными и несвязанными с ней ответвлениями проблем и вопросов означала, что снова начинаются поиски козлов отпущения для объяснения неудач.

Задачи, поставленные партией и правительством перед колхозами, укладывались в чёткие требования: всё плохое должно стать хорошим; из немногих единиц должно возникнуть большое количество; чего не хватает – того должно стать больше; малое должно перерасти в большое. А поскольку задачам этим было несть числа, то не было видно ни конца, ни края человеческому самопожертвованию, которое сводилось к вечному труду в поте лица, тревогам и унижениям.

Начальство требовало не только объединения усилий для оперативного выполнения планов, но и радостного и бодрого отношения к намеченным задачам. Малейшее проявление безразличия вызывало подозрение, потому что свидетельствовало о сопротивлении официальной политике, а значит, и о саботаже, как это истолковывалось партийным руководством.

Из всех этих кампаний, вопросов и проблем у меня в памяти отчетливей всего отложилась конская кампания. Она была самая странная и самая бессмысленная, а для некоторых и самая трагическая.

В результате коллективизации коренным образом изменился характер собственности в животноводстве. Вступая в колхоз, крестьянин должен был сдать на обобществленную ферму всю свою скотину. Обычно он старался сдать в колхоз как можно меньше животных. Многие крестьяне, несогласные с политикой коллективизации, зарезали скотину ещё до того, как их вынудили вступить в колхоз. Другие пытались поменять или продать скотину. Но всего же не продашь, и вот эти самые недорезанные и непроданные остатки и попали на колхозные фермы под новую коллективную собственность.

Если правда, что смерть лучше жизни в абсолютной нищете, то обобществлённым животным выпала худшая судьба, чем быть зарезанными, потому что колхозные фермы превратились для них в место медленного издыхания. Обеспечение скота было либо каким попало, либо вовсе никаким. Кормов не хватало, а хозяевам, у которых его забрали, была безразлична судьба обобществлённого поголовья.

Последствия были катастрофическими. Если говорить о конях, то отсутствие присмотра и болезни, возникшие в зимние месяцы, погубили их сотни в нашем селе. Таким образом возникла серьезная проблема перед руководством колхоза, ведь сельскохозяйственное производство, как и прежде, полностью зависело от конной тяги. Вот по этой причине и решили организовать конскую кампанию в нашем селе.

Слух о том, что "товарищ Черепин", вернувшись с райпартконференции, должен о чём-то серьезном сообщить колхозникам, разошёлся ещё накануне собрания. Конюхи предвидели, что дело будет касаться коней. Они об этом догадывались, потому что "товарищ Черепин", приехав с конференции, сразу проверил, как у них с конями.

Собрание и на этот раз проходило в бывшей церкви. Когда мы с матерью пришли, оно уже началось и внутри было полным-полно людей. Выступал, конечно же, "товарищ Черепин".

Те же самые слова и призывы лились из его уст нескончаемым потоком. Целым потоком слов он прославлял классовую борьбу и мировую пролетарскую революцию. Это был его любимый конёк, на котором он лихо гарцевал, пока аудитория ожидала начала основного действа. Проговорив вот так с час, "товарищ Черепин" наконец сменил тему и подошёл к сути дела.

Припомнив нам всем, что Советский Союз должен опередить капиталистические страны всего мира, особенно Соединенные Штаты Америки, он подчеркнул, что кони – это надежда будущего. Почему вдруг "кони" сменили "трактора", на которые возлагались такие большие надежды в недавних многочисленных речах, – это решали в высших партийных инстанциях. Такие зигзаги колхозникам не объяснялись.

– Коней, товарищи, коней и побольше коней! – воскликнул "товарищ Черепин". – Нашей дорогой отчизне нужны кони, наша любимая коммунистическая партия требует от нас коней! – Он замолчал на миг. Потом, уставившись в присутствующих, медленно, но выразительно процедил сквозь сжатые зубы: – Нам нужно больше, причем лучших коней, товарищи! Такой наш лозунг на сегодняшний момент.

Но этот новый лозунг был втиснут в замызганную смирительную рубашку партийной болтовни. А ведь ещё пару недель

тому "товарищ Черепин" пророчил благополучие нынешнему и будущему поколениям, если члены колхоза "увеличат плодовитость свиноматок".

А в другой раз, говоря о "продуктивности коров", он подчёркивал, что когда колхозники решат "молочную проблему", – им её необходимо решить, иначе и быть не может! – тогда Советский Союз станет страной, где "реки текут молоком и мёдом".

Во время предыдущих собраний крестьянам удавалось равнодушно высиживать, изобразив на лицах сосредоточенность, и лишь после окончания собрания слушатели взрывались кто смехом, а кто и критикой.

Бессмысленность "конской речи" ничем не отличалась от бессмысленности других речей. Что кони чего-то стоили в хлебопашестве – это знали все и везде. Но ни один из колхозников (перед которыми держал речь "товарищ Черепин") не имел своего коня. Ведь всех коней обобществили. А теперь "товарищ Черепин" зажигательно предлагал, чтобы колхозники каким-то образом взяли и увеличили ему конское поголовье. По крайней мере так мы его поняли.

– Нам нужно решить конскую проблему! – повторял снова и снова "товарищ Черепин". – А говоря диалектически, чтобы иметь коней, сначала нужно иметь жеребят. Наше будущее, товарищи, зависит от коней, потому что верхом на конях нам будет легче и быстрее достичь своей цели.

Это было уже нечто такое, что нужно было раскумекать и удивиться. Конечно, никто из нас не понимал, что значит слово "диалектически". Поэтому это место речи осталось для нас непонятным, во всяком случае для меня. Зато вторая часть этого утверждения была ясна. Мы все умели ездить верхом на конях. Я даже представлял себе, как "товарищ Черепин" верхом на коне догоняет свою "цель". Но что он хотел нам этим сказать?

Помолчав немного – вероятно, для того, чтоб мы лучше поняли важность его сообщения, "товарищ Черепин" продолжал, понизив голос:

– Но, товарищи, даже этот участок нашей общественной жизни не свободен от разрушительной деятельности наших

классовых врагов. И этот, наиболее важный фактор нашего существования, заражён контрреволюционной деятельностью капиталистических элементов.

Наш страх сразу сменился сочувствием, когда таким образом внимание было обращено на конюхов. Ведь это явно они обвинялись и осуждались.

Голос "товарища Черепина" загремел снова, а присутствующие насторожились, прячась друг у друга за спинами.

— То, что в нашем колхозе действуют враги народа, это — установленный факт. Сколько жеребят в наших конюшнях? Вы даже не знаете! А сколько должно родиться в ближайшее время? Кто-нибудь из вас может мне сказать? — Он замолчал на секунду. — Нет, никто не может!

Люди сидели молча. В этот момент каждый старался не проявлять свои чувства. Чрезмерное проявление эмоций — по любой причине — щедро "награждалось" в прошлом. И теперь, один-на-один с "товарищем Черепиным", который бросал крестьянам обвинение в "низкой продуктивности" колхозных кобыл", они даже присмирели.

— Пятнадцать! — воскликнул он. — Всего только пятнадцать жеребят на всей нашей колхозной ферме!

И тут из-за незнания "товарищем Черепиным" сельского хозяйства и его терминологии дошло до ситуации, которая для крестьян была анекдотичной, но для тех, кто страдал от неё, стала, к сожалению, трагической. Говоря о кобылах в колхозных конюшнях, он спросил, сколько из них "беременных", употребив именно это слово. Старший конюх, к которому обращался "товарищ Черепин", прыснул смехом, когда услышал слово "беременные" по отношению к кобылам. Это было нечто невиданное. Ведь людей приучили слушать партийных вельмож с таким же вниманием, которое прежде проявляли к священнослужителям.

Услышав смех старшего конюха, "товарищ Черепин" посмотрел на него, а затем на остальных присутствующих. Потом многозначительно отхлебнул воду из стакана. Старший конюх растерялся: его весёлость сразу растаяла от хмурого взгляда партийного секретаря. До него начала доходить вся серьезность ситуации, но было уже поздно.

– Ты смеёшься! – оскалился на него “товарищ Черепин”.– Тебе это смешно. Мои слова – это для тебя смешки. Слова партии и правительства для тебя смешки! – Его голос становился всё грознее. В его глазах пылал огонь.

Конюх побледнел и, чтобы как-то спасти себя, пытался что-то сказать. Подняв руки вверх, он пробормотал:

– Я... Я только хотел сказать , что...

– Я всё ещё представитель партии и правительства здесь! – завизжал разъяренный Черепин.

Осознав, что речь может идти о том, жить ему или не жить, конюх едва успел выдавить из себя два-три слова извинений, как “товарищ Черепин” своим криком снова его заглушил.

– Да мне смешно стало, ведь кобыл не называют “беременными”, только женщин... А кобыла – жерёбая!

Конюх так и не договорил того, что хотел. Он, наверное, просто не мог подобрать соответствующее слово. Поэтому опять стал извиняться за своё “детское поведение”, уверяя, что это вышло у него не нарочно, и просил простить, что перебил такую высокоидейную и патриотичную речь.

Доведя до конца свою просьбу, он испуганно посмотрел вокруг, моля хоть о какой-нибудь поддержке. Но глаза всех были прикованы к “товарищу Черепину”, а обвиняемый был безжалостно брошен один-одинёшенек. Колхозники сидели молча, ожидая, что скажет Черепин.

– Как видите, товарищи, – наконец нарушил тишину этот чиновник, – инцидент, который только что произошёл, это прекрасный пример того, что товарищ Сталин... – Выступление было прервано громкими и продолжительными аплодисментами. – ... товарищ Сталин... – И снова кто-то захлопал в ладоши, но “товарищ Черепин” не обратил уже на это внимания и продолжал: – ... что товарищ Сталин называет вылазками классового врага.

Здесь он многозначительно остановился, самодовольно глядя на слушателей. Потом снова перевёл взгляд на старшего конюха.

– Так скажи нам, пожалуйста, почему это у нас нет... а если и есть там... так почему так мало... этих, как ты их там называешь... кобыл? Почему, а? Ты можешь это объяснить? Нет, не можешь! Здесь нечего и объяснять. И так всё ясно.

Растерянный конюх вскочил, собираясь ещё что-то сказать, затем передумал, снова сел и поднял руку. Но этого никто будто и не заметил. "Товарищ Черепин" продолжал:

– Потому что разве могут запертые в конюшне и крепко привязанные к яслям кобылы сделаться такими, как оно там у вас называется? – Он быстро проскочил мимо последних слов и продолжал: – Нет, нет, тысячу раз нет! Никогда!!! И классовым врагам это известно. Они это знают очень хорошо. Вот почему они отделили кобыл от коней, вот почему они их крепко привязывают к яслям! Этим и объясняется низкая продуктивность наших кобыл, и из-за этого так мало жеребят в нашем колхозе! Вот поэтому наш колхоз никогда не будет иметь достаточно конского поголовья, пока будут существовать такие условия и пока эти враги народа орудуют в наших конюшнях.

"Товарищ Черепин" закончил свою речь с довольным видом, что так ловко справился со своим заданием. Он ещё раз глотнул немного воды и сел. Как и прежде, в зале царила абсолютная тишина.

Но собрание длилось ещё несколько часов. Лишь далеко за полночь, когда чуть ли не все партийцы произнесли каждый своё слово с осуждением и возмущением поведением старшего конюха, – лишь тогда собрание закончилось. Наконец к трибуне подошёл комсомольский вожак, чтобы зачитать резолюцию. Насколько я помню, звучала она примерно так:

"Заслушав доклад секретаря партийной организации товарища Черепина и приняв во внимание инструкцию районного партийного комитета о введении конской кампании во всерайонном масштабе, мы, члены сельхозартели имени Ленина, постановили немедленно включиться в вышеупомянутую кампанию. Вводя конскую кампанию, мы торжественно заверяем нашу партию, всех трудящихся, и нашего дорогого и мудрого..."

Последнее предложение утонуло в потоке громких аплодисментов. Но когда снова воцарилась тишина, он повторил: "... мы обязуемся добиться стопроцентной беременности среди наших кобыл".

Сорвался шквал аплодисментов. Резолюцию приняли единогласно.

На следующий день всех конюхов поснимали с их должностей и перевели на полевые работы. А старшего конюха забрали в район и он бесследно исчез.

В жизни коней начались радикальные перемены. Чтобы дать, по словам "товарища Черепина", "кобылам возможность забеременеть", их перестали привязывать в конюшне. Таким был недвусмысленный приказ партийного секретаря.

Но, несмотря на все нововведения в колхозе в ходе конской кампании, конские проблемы так и не удалось решить, по крайней мере на то время. Сельские шутники полагали, что конский вопрос остался в позорном состоянии потому, что партийные и правительственные указания продолжали игнорировать одно важное обстоятельство. В партии – очевидно – не нашлось никого, знакомого с существенной ролью жеребца во всей этой проблеме увеличения конского поголовья.